

УДК 343.13

DOI 10.17223/23088451/11/6

С.П. Брыляков, А.Б. Диваев

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются основные направления развития досудебного производства в современной науке уголовного процесса, дается их критический анализ, выявляются наиболее существенные проблемы современной регламентации досудебного производства, излагаются главные положения по его модернизации.

Ключевые слова: *досудебное производство, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание.*

Как показало исследование, в настоящее время в науке сформировался широкий спектр мнений по вопросам совершенствования досудебного производства. Он настолько широк, что какая-то содержательная их группировка практически невозможна. Условно, в этой сфере можно выделить два основных направления развития научной мысли.

Одна, достаточно представительная группа ученых не видит никаких перспектив в дальнейшем совершенствовании современной конструкции досудебного производства. По мнению сторонников такого подхода, необходимо окончательно отказаться от нынешней формы досудебного производства и конструировать совершенно новый его порядок, построенный на иных принципах.

Другие авторы не так категоричны. В отличие от своих оппонентов, они предлагают по-прежнему опираться на имеющуюся двустадийную конструкцию досудебного производства, видя в ней потенциал для совершенствования, его гармоничного встраивания в систему современного уголовного процесса.

Прежде чем высказаться по основному вопросу, заявленному в заглавии данной работы, как представляется, необходимо кратко остановиться на основных «болевых точках» ныне действующего досудебного производства.

1. Как известно, досудебное производство в нашем уголовном процессе состоит из двух последовательно сменяющих друг друга этапов – стадий досудебного производства: стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Двухстадийное построение досудебного производства по уголовному делу подразумевает, что каждая из стадий должна разрешать при помощи специфического процессуального инструментария некую совокупность характерных только для нее задач, подчиненных единой цели уголовного судопроизводства. Причем эти задачи не могут совпадать друг с другом. Совпадение же процессуальных средств их разрешения, используемых в разных стадиях уголовного судопроизводства, если и возможно, то только в порядке исключения. Если эти условия не соблюдаются, тот или иной этап теряет смысл, дублируя, а поэтому создавая конкуренцию другому этапу.

К сожалению, в нынешней редакции уголовно-процессуального закона именно это и произошло со стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Не вдаваясь в подробную дискуссию, определим, что стадия возбуждения уголовного дела, представляя собой своеобразный «спусковой крючок» для реализации всего, в том числе и принудительного, потенциала уголовного процесса, призвана разрешить двуединую задачу, состоящую в начале производства по уголовному делу при наличии законных оснований для этого или отказе от такового, когда таких оснований нет. В этой стадии нет жизненно важной необходимости устанавливать всю совокупность обстоятельств преступления, виновное лицо, его виновность, характер и размер причиненного вреда и т.д. Именно этим и объяснялась существовавшая еще до недавнего времени скудость уголовно-процессуальных средств, используемых в данной стадии при проверке заявлений и сообщений о преступлениях. В первоначальной и ряде последующих редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. (далее – УПК РФ) таким безусловными средствами был разве что осмотр места происшествия и освидетельствование, а также некое действие, получившее название «назначение судебной экспертизы». В остальном, следователь или дознаватель, проверяя заявление или сообщение о преступлении, могли использовать исключительно непроцессуальные средства. Это было совершенно оправданно и полностью отвечало задачам стадии возбуждения уголовного дела, так как средства, которые законодатель предназначает для того или иного вида процессуальной деятельности, должны быть соразмерны задачам этой деятельности. Одинаково недопустим как недостаток, так и переизбыток этих средств. По сути, закрепив такой скудный процессуальный инструментарий для стадии возбуждения уголовного дела, законодатель подразумевал, что в любом случае, когда с его помощью однозначного ответа на вопрос об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела в этой стадии дать нельзя – уголовное дело должно быть возбуждено.

Такое положение четко ограничивало задачи стадии возбуждения уголовного дела, так как для решения других задач не было процессуальных средств, и ограничивало стадию возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования, где, собственно, и происходило установление события преступления, всех его обстоятельств, лица, виновного в совершении преступления и пр.

Ситуация резко поменялась в 2013 г., когда законодатель расширил перечень процессуальных средств

проверки заявлений и сообщений о преступлении, включив в него такие действия, как получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, назначение судебной экспертизы, исследование документов, предметов, трупов, в том числе и с привлечением специалиста, а также допустив, наряду с осмотром места происшествия, осмотр документов, предметов, трупов, освидетельствование.

Более того, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ установила, что все сведения, полученные в ходе проверки заявления или сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. формальных требований допустимости доказательств.

В такой ситуации говорить о видимых отличиях стадии возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования уже не приходится. По сути, исходя из процессуального инструментария, который может быть применен в этой стадии, практически нет таких задач стадии предварительного расследования, которые не могут быть решены в стадии возбуждения уголовного дела.

Тем самым приходится констатировать, что в том виде, в котором стадия возбуждения уголовного дела сейчас закреплена в законе, она действительно теряет всякий смысл, ее задачи практически совпали с задачами предварительного расследования. По большому счету, законодатель негласно создал еще одну форму предварительного производства, которая создает конкуренцию предварительному следствию и дознанию, а конкуренция процессуальных форм ничего, кроме беспорядка, в уголовно-процессуальное «хозяйство» не привносит.

2. Вызывает ряд вопросов и современное состояние такой формы предварительного расследования, как дознание. Для начала нужно сказать, что законодатель совершенно запутал ситуацию с соотношением общей и сокращенной форм дознания. Вроде бы закон считает эти формы дознания его видами, однако порядок производства сокращенного дознания настолько отличается от порядка производства в его общей форме, что в пору говорить о них как о самостоятельных формах предварительного расследования, а не о видах одной из его форм – дознания.

Но это не главное. В конце концов, проблема не в терминах, хотя использование качественного непротиворечивого и однозначного в смысловом отношении терминологического аппарата – это одно из важнейших условий нормального правоприменения.

Гораздо более важной проблемой, как представляется, является то, что дознание, производимое в общей форме, в настоящее время практически ничем не отличается от предварительного следствия. Различия носят, скажем так, внешний, «косметический» характер. Да, в дознании иначе названы процессуальные документы, при том что их содержание практически идентично аналогичным процессуальным актам предварительного следствия, отличен статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, сокращены

сроки. Но это только формальные отличия, которые не позволяют в настоящее время говорить о том, что дознание в общей форме чем-то принципиально отличается от предварительного следствия. По сути, дознание, производимое в общей форме, перестало быть тем, чем первоначально задумывалось – сейчас по отношению к предварительному следствию оно не является упрощенной формой, а, следовательно, его существование как минимум не бесспорно.

Вышеозначенная проблема влечет серьезные негативные последствия и в чисто организационном плане. Если ориентироваться на официально опубликованные статистические данные, отражающие структуру преступности в России, до 3/4 всех уголовных дел расследуется в форме дознания. Даже если из их числа исключить те уголовные дела, которые расследуются в форме сокращенного дознания, все равно удельный вес уголовных дел, расследуемых в общей форме дознания, по-прежнему будет очень велик. А это означает, что по подавляющему большинству уголовных дел дознаватель должен выполнить все те процессуальные мероприятия, которые выполняет следователь, однако в два раза меньшие сроки. Как тут не вспомнить о том негативном отношении большинства авторов научных трудов к качеству работы дознавателей. Но, осмелимся предположить, что львиная доля ответственности за это лежит не на дознавателе. Конечно, в среде дознавателей встречаются сотрудники со слабой квалификацией, низкой мотивацией к качественной работе и т.д., однако главная причина низкого качества материалов, направляемых в суд органами дознания, как раз объективна – имеющийся порядок производства дознания в общей форме, помноженный на среднюю нагрузку дознавателя, не позволяет по-другому расследовать уголовные дела.

3. Серьезной проблемой современного досудебного производства является и неопределенное положение прокурора, который имеет два отличных друг от друга «комплекта» полномочий в отношении процессуальной деятельности следователя и дознавателя, что выглядит нонсенсом, учитывая, что статусы следователя и дознавателя как лиц, производящих предварительное расследование, одинаковы. И следователь, и дознаватель призваны осуществлять идентичные задачи, для чего располагают одинаковым набором процессуальных средств их разрешения. Однако в отношении одного – дознавателя – прокурор обладает всей полнотой власти, руководя его процессуальной деятельностью и надзирая за ней, а в отношении другого – следователя – закон ограничивает прокурора исключительно надзорными полномочиями, и то специфически реализуемыми. Следователь является, наверное, единственным в своем роде субъектом, которому позволено не согласиться с надзорными указаниями прокурора об устранении нарушений федерального закона, допущенных следователем (ч. 6 ст. 37 УПК РФ). В предложенной законодателем системе отношений между прокурором и следователем второй, по сути, предоставлен сам себе, а то, что законодатель считает надзором, таковым не является. Не может считаться полноценным надзором, который всегда характеризовался как власт-

ная деятельность субъекта, обладающего специальными полномочиями, некая деятельность, состоящая в даче необязательных для исполнения поднадзорным субъектом указаний. И такое положение вещей, по нашему убеждению, ненормально.

4. Современная конструкция досудебного производства заставляет усомниться и в смысле существования в числе участников уголовного судопроизводства таких субъектов, как начальник органа и начальник подразделения дознания. В целом, идея законодателя относительно их введения в уголовно-процессуальный закон понятна. Учитывая, что законодатель с некоторых пор активно «взялся» за статус прокурора, вполне справедливо, решив, что его полномочия по руководству процессуальной деятельностью органов предварительного расследования плохо сочетаются с надзорными полномочиями, думается, что введение фигуры начальника подразделения дознания, а позднее и начальника органа дознания было вызвано необходимостью появления в числе участников уголовного судопроизводства лица, который был бы уполномочен руководить деятельностью дознавателя. Фигуры начальника органа и подразделения дознания, таким образом, задумывались как некий аналог руководителя следственного органа и, в перспективе, должны были принять на себя нагрузку по руководству процессуальной деятельностью дознавателя от прокурора. Однако эта «перспектива» так и не наступила, что автоматически процессуально «обесценило» их статусы, так как их содержание, фактически, дублирует полномочия прокурора по руководству дознанием. При этом речь здесь идет именно об их процессуальных полномочиях, так как административная роль начальника подразделения, а тем более органа дознания неоспорима.

Естественно, это не все, а самые существенные недостатки современного досудебного производства, и, как представляется, они убедительно показывают, что совершенствование досудебного производства – это не прихоть, а насущная необходимость.

Как уже было сказано выше, в настоящее время в науке большое распространение получило мнение о необходимости кардинального реформирования досудебного производства в виде полного отказа от нынешней его конструкции, как исчерпавшей потенциал для развития.

В частности, высказано мнение о необходимости исключения из уголовного судопроизводства стадии возбуждения уголовного дела. Причем это мнение появилось не сегодня. Еще в конце 90-х годов прошлого века такое предложение было высказано С.П. Серебровой [1, с. 50–52], А.В. Ленским [2, с. 8–14], Ю.В. Деряшевым [3, с. 118] и др. В последние годы оно было поддержано А.С. Александровым [4, с. 18], Ю.П. Борлуленковым [5, с. 4–8], Л.М. Володиной [6, с. 10–11], Б.Я. Гавриловым [7, с. 236–239] и многими другими учеными.

«Досталось» и предварительному расследованию. Наиболее революционной в отношении реформирования этой стадии производства по уголовному делу выглядит точка зрения, высказанная А.В. Смирновым, которым была разработана «концепция возрождения

института следственных судей». Следственным судьей в его понимании должен быть «судья первой инстанции, действующий в пределах полномочий, предусмотренных УПК на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, и не участвующий в рассмотрении уголовных дел по существу, пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке или ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств». По делам, отнесенным к его подсудности, он «осуществляет правосудие в форме судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности, наличием законных оснований для передачи уголовного дела в суд, а также оказывает сторонам содействие в собирании судебных доказательств путем проведения судейских следственных действий» [8].

По задумке автора, введение этой фигуры позволит решить сразу несколько задач. Следственный судья как должностное лицо, представляющее судебную, а не обвинительную власть, станет, как считает автор, своеобразным «фильтром» для незаконных и необоснованных обвинений, воспрепятствует их поступлению в суд. Кроме того, он должен усилить состязательные начала на предварительном следствии, а также стать дополнительным гарантом конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве [8].

Между тем позволим себе не согласиться с мнением А.В. Смирнова, так как само по себе введение какого бы то ни было процессуального статуса не гарантирует от незаконного или необоснованного обвинения – следственный судья человек, а тому свойственно ошибаться. Минимизация следственных ошибок – это проблема системная, решение которой лежит в плоскости повышения профессионализма сотрудников правоохранительных органов. Более того, в представленной концепции следственный судья не заменяет, а дополняет следователя, что неминуемо приведет к дублированию полномочий, а следовательно, к усложнению и так излишне заформализованного досудебного производства.

Что касается состязательности на стадии предварительного расследования, известно, что в условиях процессуально регламентированного предварительного производства, предшествующего судебным стадиям рассмотрения уголовного дела, ее полноценной реализации в досудебной части уголовного процесса быть не может. Это обстоятельство следует из того, что процессуальный порядок предварительного расследования сам по себе не подразумевает равенства прав сторон. Можно тем или иным способом усиливать состязательные начала, например закрепляя обязанность следователя или дознавателя удовлетворять каждое ходатайство подозреваемого, обвиняемого или его защитника о приобщении к материалам дела каких-либо предметов или документов, либо производстве следственных действий. Однако даже в этом случае о равенстве прав сторон в стадии предварительного расследования говорить нельзя. Никогда участник уголовного судопроизводства, наделенный властными полномочиями, не станет процессуально равным участнику, у которого такие полномочия отсутствуют.

Одинаково бесперспективны, как представляется, и прямые заимствования из дореволюционного порядка

досудебного производства, которые некоторыми рассматриваются как единственно возможный способ его реформирования, и идеи по введению института «параллельного» адвокатского расследования [9, с. 22–23].

Как известно, в основе досудебного производства в дореволюционном уголовном процессе лежало четкое деление на внесудебную деятельность по раскрытию преступления (дознание) и дальнейшее предварительное следствие, которое осуществлялось сотрудником суда – судебным следователем. В таком построении досудебного производства многие видят сейчас универсальное средство, которое одновременно поможет и усилить состязательное начало, так как судебный следователь – это судебный чиновник, и устранил обвинительный уклон предварительного следствия, и поможет лицу, ведущему его более объективно относиться обстоятельствам уголовного дела. Но это в идеале. А что будет в реальности? В реальности, этими «судебными следователями» будут те же сотрудники нынешних органов предварительного расследования (того же Следственного комитета РФ), так как других брать просто неоткуда. И вместе с ними в суды, которые и так не «страдают» от недостатка проблем, придут все проблемы современного предварительного следствия, включая пресловутый «обвинительный уклон», о наличии которого в деятельности суда не говорит разве что только ленивый. Конечно, со временем, когда произойдет обновление кадрового состава этих «следственных судей», от таких недостатков можно будет избавиться, однако сколько на это потребуется времени, никто не знает. Вполне вероятно, что десятилетия.

Не выдерживает критики и на первый взгляд очень привлекательная идея «параллельного» адвокатского расследования, когда стороне защиты будет предоставлена возможность на паритетных началах со следователем производить следственные действия и формировать свою доказательственную основу для отстаивания позиции по делу. При всей своей привлекательности такое построение предварительного расследования, с одной стороны, практически не реализуемо на практике, а, с другой – в случае реализации может иметь определенно вредные последствия. Представим себе: защитнику позволили производить следственные действия. Однако тут же возникает вопрос, а каким образом ему обеспечить выполнение этих полномочий, так как любое уголовно-процессуальное мероприятие идет «рука об руку» с принуждением? Но государственное принуждение – это прерогатива властного субъекта, а защитник властью не обладает. При этом нужно понимать, что возможность применения принуждения в отношении участника уголовного судопроизводства, вовлеченного в собирание доказательств, – это еще и одно из самых эффективных средств обеспечения их достоверности. Сами посудите, какова доказательственная ценность показаний, данных в условиях, когда к свидетелю нельзя применить мер уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? А каким образом защитник будет производить осмотры, освидетельствования, обыски, выемки, получать образцы для сравнительного иссле-

дования и т.д.? Выходит, защитнику по-прежнему придется обращаться за содействием к следователю или дознавателю. О каком полноценном «параллельном» расследовании тогда может идти речь?

Одним словом, несмотря на разнообразие предлагаемых моделей кардинального реформирования досудебного производства, по нашему мнению, ни одна из них не выдерживает критики и не может быть воплощена в реальности. А поэтому более жизнеспособна идея модернизации уже существующей модели досудебного производства, в фундаменте которой находится его двухстадийное построение и предварительное следствие как основная, развернутая форма предварительного расследования.

Для реализации данной цели, по нашему мнению, предлагаемая модель досудебного производства должна решить ряд взаимосвязанных проблем. Во-первых, она должна наполнить новым содержанием стадию возбуждения уголовного дела, возложив на нее ряд задач, которые будут гармонично встроены в систему задач уголовного судопроизводства в целом, не перекрывая задач, присущих предварительному расследованию. Во-вторых, данная модель, наконец-то, должна разрешить вечную проблему соотношения предварительного следствия и дознания, предусматривая действительно упрощенную (сокращенную, суммарную), но при этом эффективную форму предварительного расследования. В-третьих, фигура следователя в этой модели должна приобрести значение самостоятельного и, что самое главное, ответственного участника уголовного судопроизводства, решения которого прямо влияли бы на дальнейшую перспективу производства по уголовному делу. И наконец, эта модель должна возродить полноценный механизм прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органа предварительного расследования.

Решение всех указанных проблем возможно только в комплексе, а поэтому модернизации должна подвергнуться не какая-то отдельная стадия, а досудебное производство в целом. Если тезисно изложить наши предложения, то они могут быть сформулированы в виде следующих положений.

1. Мы глубоко убеждены в том, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела, по крайней мере в ближайшей перспективе, преждевременен. Для отказа от нее должны сложиться объективные предпосылки, которых пока нет. Отказ же от нее только по мотиву того, что эта стадия – «пережиток советского прошлого» или по причине того, что от нее отказались все «цивилизованные страны мира», не серьезен и ничего, кроме вреда, не принесет. Исключение стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, приведет только к одному: сотрудники органов предварительного расследования, получив сообщение о возможном преступлении, прежде чем приступить к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности по нему, по-прежнему предварительно будут проверять это сообщение на предмет наличия признаков преступления, но уже вне процессуальной регламентации, создав тем самым подобие стадии возбуждения уголовного дела, ее «суррогат». Это неминуемо породит еще большую

волокиту, сокрытие сообщений о преступлениях, лишит объективно уголовно-процессуальную деятельность соответствующей законодательной регламентации. Если это и есть «оптимизация» досудебного производства, то мы решительно против нее.

Между тем, чтобы вдохнуть жизнь в стадию возбуждения уголовного дела, достаточно пересмотреть ее сущность и избавиться от присущего в настоящее время формального отношения к ней. По сути, она должна приобрести определяющее значение для всего дальнейшего производства по уголовному делу. Сделать это не так сложно. Для этого нужно, во-первых, жестко ограничить сроки проверки сообщения преступления, допустим, 15 сутками без права продления этих сроков, а во-вторых, исключить из возможных средств проверки сообщения о преступлении процессуальные средства, имеющие безусловный принудительный потенциал. В стадии возбуждения уголовного дела нельзя производить обыски, выемки, получать образцы для сравнительного исследования и производить иные тому подобные действия. При этом здесь, наряду с непроцессуальными средствами проверки, вполне возможно допустить производство осмотров, допросов и судебной экспертизы, если она не требует получения образцов для сравнительного исследования и ее производство возможно в установленный законом срок.

Предложенные ограничения существенно сузят круг потенциально решаемых в этой стадии задач и тем самым отграничат стадию возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования.

2. Итоговое решение, принимаемое в результате проверки сообщения о преступлении, должно не просто констатировать акт возбуждения уголовного дела, но и определять форму дальнейшего расследования. Это видится следующим образом. В настоящее время большая доля сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, в дальнейшем при расследовании и рассмотрении уголовного дела не используется. Следователям и дознавателям после возбуждения уголовного дела приходится проводить следственные действия и повторно получать сведения, дублирующие информацию, полученную в ходе проверки сообщения о преступлении. Такая двойная работа, естественно, приводит следователей и дознавателей к мнению о бесполезности их усилий в стадии возбуждения уголовного дела, а следовательно, и к ненужности самой стадии.

Чтобы преодолеть такое отношение, достаточно вовлечь материал, полученный в стадии возбуждения уголовного дела, в доказывание по уголовному делу. При этом количество и качество этих сведений должно стать основой для принятия решения не только о возбуждении уголовного дела, но и об осуществлении предварительного расследования в общей или упрощенной форме. Если следователь в ходе проверки сообщения о преступлении, допустим, получил достаточное количество сведений, и это позволило ему установить уже на этом этапе обстоятельства события преступления, совершившее преступление, и его виновность, правильно квалифицировать содеянное, что, в свою очередь, дает ему возможность сократить

основной этап досудебного производства – предварительное расследование, он должен принять такое решение, вынеся постановление о возбуждении уголовного дела и расследовании преступления в форме сокращенного предварительного расследования.

Если же, наоборот, сроки и процессуальные средства проверки сообщения о преступлении, допущенные в стадии возбуждения уголовного дела, позволили следователю констатировать только наличие признаков преступления, или он с их помощью не установил наличие оснований для отказа в возбуждении дела, он должен, возбудив дело, одновременно инициировать предварительное расследование общей формы и приступить к его осуществлению. При этом все материалы, полученные им в ходе проверки сообщения преступления, без какого-либо дополнительного оформления должны признаваться доказательствами и использоваться в дальнейшем как в ходе расследования, так и в ходе судебного разбирательства без каких бы то ни было ограничений.

Возражения относительно возможных ограничений прав и законных интересов граждан, которые могут сопровождать процесс собирания сведений о преступлении и которые, по общему правилу, недопустимы до возбуждения уголовного дела, здесь легко опровергнуть. Во-первых, ничто не мешает законодателю предусмотреть достаточную систему гарантий от возможных нарушений прав и законных интересов граждан уже в стадии возбуждения уголовного дела. Это можно сделать тем же образом, как это предусматривает ч. 1.2 ст. 144 ныне действующей редакции УПК РФ, где сказано, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения правил их допустимости, предусмотренных законом.

Во-вторых, эти сведения, в любом случае должны стать предметом проверки в судебном заседании, а поэтому окончательное решение о возможности их использования при постановлении приговора будет за судом, что само по себе является самой существенной гарантией от нарушения прав и законных интересов личности в досудебном производстве.

3. Несмотря на все попытки законодателя, придется констатировать, что ему не удалось найти сбалансированное соотношение между предварительным следствием и дознанием, а поэтому единственно правильным решением этой «вечной» проблемы было бы упразднение деления форм расследования на предварительное следствие и дознание. Исходя из нашей процессуальной традиции, целесообразно для обозначения этого вида деятельности использовать единый термин – «предварительное следствие», осуществление которого допустить в полной и сокращенной форме.

Соответственно этому должна подвергнуться реорганизации система органов предварительного расследования и состав участников уголовного судопроизводства. Что это означает? Необходимо прекратить деление сотрудников правоохранительных органов, фактически осуществляющих один и тот же вид деятельности, на следователей и дознавателей, сведя их в

единый корпус следователей. При этом с уголовно-процессуальной точки зрения несущественно, будут они объединены в единый следственный аппарат или «разбросаны» по ряду ведомств. Может быть, с точки зрения повышения эффективности прокурорского надзора, избавления от межведомственного противостояния и проблем с определением подследственности наличие единого органа предварительного следствия является более предпочтительным, но, повторимся, особого уголовно-процессуального значения эта проблема не имеет. Самое главное здесь заключается в том, что из уголовно-процессуального закона должны исчезнуть процессуальные фигуры органа дознания, начальника органа или подразделения дознания, дознавателя. Любое должностное лицо, уполномоченное законом осуществлять предварительное расследование, должно именоваться следователем, а его непосредственный руководитель – руководителем следственного органа.

Следователь при этом должен стать участником уголовного судопроизводства, который определяет перспективы производства по уголовному делу, его траекторию и, самое главное, несет ответственность за принятое решение. Принятие такого судьбоносного для производства по уголовному делу решения должно происходить, как уже было сказано, при возбуждении уголовного дела, где следователь, исходя из имеющихся сведений, степени установления обстоятельств преступления, должен решить, по какому пути пойдет дело – по общему или сокращенному. Учитывая важность данного решения и перспективу поддержания обвинения по нему в суде, необходимо также предусмотреть обязанность его согласования с прокурором.

Здесь важно подчеркнуть и то, что решение о сокращении предварительного следствия не должно находиться в зависимости от мнения подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Это решение должно исходить именно от следователя, который принимает его исходя из сложившейся следственной ситуации и собственной убежденности в доказанности обстоятельств преступления.

Мы также убеждены и в том, что это решение не должно зависеть от каких-либо формальных критериев, тяжести преступления. Как показывает практика, зачастую, с фактической стороны расследование преступления небольшой или средней тяжести представляется гораздо более сложной задачей, нежели чем расследование тяжкого или особо тяжкого преступления. А поэтому ставить форму следствия в зависимость от тяжести преступления – значит сознательно провоцировать волокиту и нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

4. В данном исследовании, учитывая его границы, мы не будем останавливаться на процедурных тонкостях предполагаемого сокращенного предварительного следствия. Отметим лишь, что за его основу можно принять вполне удачную, по нашему мнению, конструкцию современного дознания в сокращенной форме, естественно, с той оговоркой, что она должна быть в части используемой терминологии унифицирована с предварительным следствием.

5. Говоря о досудебном производстве, нельзя не сказать о прокурорском надзоре, так как это неотъемлемый от досудебного производства вид деятельности. Любые попытки высвобождения следователя или дознавателя от этого «бремени» приводят только к одному – понижению качества расследования и снижению стандартов обеспечения прав и свобод личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство.

Вместе с тем и в этой части досудебное производство нуждается в преобразовании. Правда, это скорее модернизация через возврат к прошлому, нежели чем «изобретение велосипеда». Ликвидация деления предварительного расследования на предварительное следствие и дознание сама по себе приведет к возврату унифицированного порядка прокурорского надзора, без разделения полномочий прокурора на полномочия «в отношении деятельности следователя» и полномочия «в отношении дознавателя». Прокурор должен обладать единым объемом полномочий, которые позволяли бы ему обеспечивать исполнение закона и соблюдение прав и свобод человека в ходе досудебного производства.

Говоря о самих полномочиях, необходимо отметить насущную необходимость отделения процессуальной функции надзора, характерной для прокурора, от функции процессуального руководства деятельностью следователя, которая полностью должна быть сосредоточена в руках руководителя следственного органа. Произойти это может только в случае перераспределения полномочий прокурора и исключения дублирующих друг друга форм деятельности прокурора и руководителя следственного органа. Если говорить, максимально обобщая, за прокурором должны быть закреплены надзорные полномочия в отношении деятельности следователя по приему, регистрации и рассмотрению сообщения о преступлении, законности его решений о возбуждении уголовного дела и определении формы предварительного следствия по нему, а также решений, отражающих движение уголовного дела (приостановление и прекращение уголовного дела, продление сроков его производства и т.д.). Руководитель же следственного органа должен осуществлять такие «технические» полномочия, как дача указаний о направлении расследования, передача уголовного дела от одного следователя другому, отвод следователя, образование следственной группы и др.

6. И наконец, последнее. Несмотря на то, что данное исследование посвящено досудебному производству, нельзя не сказать несколько слов о суде, точнее о «следственных судьях». Введение такого уголовно-процессуального института возможно, и даже необходимо, однако с единственной целью – следственные судьи должны стать теми судьями, которые будут рассматривать жалобы на действия и решения органов предварительного расследования и прокурора, а также ходатайства следователя о применении мер принуждения и производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в ходе досудебного производства, перечень которых дан в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, тем самым осуществляя судебный контроль в ходе досудебного производства.

При этом они, безусловно, должны быть лишены возможности рассмотрения уголовных дел в какой бы то ни было инстанции. Более того, наиболее целесообразно выделить этих судебных должностных лиц – следственных судей – в отдельную подсистему судебных органов, а не учреждение этих должностей в судах общей юрисдикции. Это еще больше подчеркнет специализированный характер их деятельности, максимально отдалит следственного судью от рассмотрения уголовного дела по существу. Тем самым проблема

вовлечения суда в деятельность органов предварительного расследования, подвергающаяся справедливой критике, будет устранена само по себе.

Все высказанные предложения – это всего лишь некий каркас той модели досудебного производства, который представляется нам наиболее рациональным в современных условиях. Однако их реализация, как мы надеемся, может привести к существенному улучшению того незавидного положения, в котором оказалось современное досудебное производство сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сереброва С.П. Проблемы рационализации досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1997. 291 с.
2. Ленский А.В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 28 с.
3. Дерисhev Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 213 с.
4. Александров А.С., Грачев С.А. Проект нового порядка открытия нового расследования уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 7. С. 14–21.
5. Борулeнков Ю.П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 4–8.
6. Володина Л.М. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
7. Гаврилов Б.Я. Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 233–251.
8. Смирнов А.В. Возрождение следственных судей в российском уголовном процессе. URL: <http://www.iuaj.net/node/1723> (дата обращения: 05.03.2018).
9. Горя Н. Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. № 7. С. 22–23.

ON DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 29–36. DOI 10.17223/23088451/11/6

Sergey P. Brylyakov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sergibr1981@mail.ru

Aleksandr B. Divaev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

Keywords: pre-trial proceedings, initiation of criminal case, preliminary investigation, preliminary examination, inquiry.

Pre-trial proceedings are currently the most discussed part of criminal proceedings. In the science of the criminal procedure in this regard, two main directions have been formed. One group of authors argue for the need to completely abandon the current pre-trial proceedings design. In their opinion, it is necessary to completely abandon the procedural regulation of activities to verify the statement or report of the crime, and to more actively include the adversariality principle in the preliminary investigation. Others, on the contrary, believe that the current model of pre-trial proceedings, based on a two-stage pre-trial proceedings design, the procedural regulation of the criminal case initiation and the fundamental importance of the preliminary investigation, has not yet exhausted the potential for its modernisation, and may well be included in the needs of the modern criminal procedure.

The authors of the article proceed from the second position, and propose a model of pre-trial proceedings in a criminal case which solves a number of problems that the law enforcer currently has. Firstly, the model fills the stage of initiating a criminal case with a new content by giving it a number of tasks that are harmoniously integrated into the tasks of criminal proceedings in general, without overlapping the tasks of the preliminary investigation. Secondly, the model resolves the eternal problem of the correlation between the preliminary investigation and inquiry by abolishing inquiry and providing for a really simplified (shortened, summary), but effective form of preliminary investigation. Thirdly, the figure of the investigator in this model acquires the value of an independent and, most importantly, responsible participant in criminal proceedings, whose decisions would directly influence the further development of criminal proceedings. Finally, the model is based on the revival of a full-fledged mechanism for prosecutor's supervision over the procedural activity of the preliminary investigation body.

References

1. Serebrova, S.P. (1997) *Problemy ratsionalizatsii dosudebnogo proizvodstva* [Problems of rationalisation of pre-trial proceedings]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
2. Lenskiy, A.V. (1998) *Dosudebnoe (predvaritel'noe) proizvodstvo v sovremennom ugovolnom protsesse Rossii* [Pre-trial (preliminary) proceedings in the modern criminal procedure in Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
3. Derishev, Yu.V. (1998) *Optimizatsiya dosudebnogo proizvodstva v ugovolnom protsesse Rossii* [Optimisation of pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia]. Law Cand. Diss. Omsk.
4. Aleksandrov, A.S. & Grachev, S.A. (2015) *Proekt novogo poryadka otkrytiya novogo rassledovaniya ugovolnogo rassledovaniya po soobshcheniyu o prestuplenii* [Draft new procedure for the opening of a new criminal investigation based on the crime report]. *Ugolovnyy protsess*. 7. pp. 14–21.
5. Borulenkoy, Yu.P. (2013) *Dosledstvennaya proverka: za i protiv* [Pre-investigation check: pro and contra]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 19. pp. 4–8.

6. Volodina, L.M. (2013) Problema reglamentatsii vzbuzhdeniya ugovnogo dela [The problem of the regulation of the criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
7. Gavrilov, B.Ya. (2014) Ugolvnaya politika Rossii: nauchnye i zakonodatel'nye mify i realii pravoprimereniya [The criminal policy of Russia: Scientific and legislative myths and realities of law enforcement]. *Biblioteka kriminalista*. 3. pp. 233–251.
8. Smirnov, A.V. (2015) *Vozrozhdenie sledstvennykh sudey v rossiyskom ugovnom protsesse* [Revival of investigative judges in the Russian criminal procedure]. [Online] Available from: <http://www.iaaj.net/node/1723>. (Accessed: 05.03.2018).
9. Gorya, N. (1990) Printsip sostyazatel'nosti i funktsii zashchity v ugovnom protsesse [The adversarial principle and functions of the defence in the criminal procedure]. *Sovetskaya yustitsiya*. 7. pp. 22–23.